

Сказание о Константине

Заметки внимательного читателя о книге К.Н. Михеева «Стихи Мнемозине»

mironovacolor.org > [Статьи](#) > [Сказание о Константине. Часть 4](#)

Россия

*Россия, ты — на камне и крови —
Участвовать в твоей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови.
Осип Мандельштам, 1913*

Нет такой сети понятий и категорий, которой можно было бы уловить и упорядочить стихию стихов Константина Михеева на русскую тему.

Всякая сеть порвётся, подобно неводу Петра и Андрея при чудесном улове рыбы. Какая же сеть в силах удержать изобилие образов, чувств, звуков и красок, мыслей и аллюзий, переполняющих поэзию К.М.? Грешно выдёргивать из этих стихов отдельные строчки, вдвойне грешно их комментировать: они настолько яркие, что затмевают любые комментарии; настолько цельны, что не терпят анализа. Эти стихи нужно просто читать, дышать ими, запоминать...

Что же меня так восхищает?

Родина для Константина — деревенская страна, здесь всё дорого его сердцу. Он любит пейзажем:

*дымный косогор, просёлочные дороги,
Корявый санный след, теремок-уродец,
Да ещё чистый колодец, полный звёзд, и, наконец —
Самое малое, но дорогое — одинокий стебелёк ржи.*

И народ хорош, подстать пейзажу:

Глумливая голь, её удел — петля да склеп.

Но есть рдетели перед Богом за народ, за лучшую долю — Борис и Глеб. Их тени, как живые, видятся Поэту:

*Они летят сквозь топи, сквозь яруги,
теряются в росистом серебре,
и режут тело ржавые кольчуги,
и колют ноги травы на заре.*

Поэт готов последовать за героями русской истории сквозь столетий слёзный хоровод — и отдать свою кровь за русский народ.

*Уже не плача, поскачу за ними,
своею кровью обогрив восход.*

В следующем стихотворении пейзаж приобретает почти фантастическую экспрессию:

*Кровавый вихрь взъерошенного снега
И горьких рек беспмятный разлив
...
Питает почва жесткие корни,
Впотьмах плутает скользкая стезя.*

На фоне скудного и сурового пейзажа — такая же неприглядная жизнь.

И ничего не светит впереди:

*Быть может, время — только повторенье,
И ничего переменить нельзя?*

Среди людей царит слепой братоубийственный раздор, а св. Георгий на гербе пронзает сам себя копьём. И так же пронзает сердце Поэта боль за Родину.

*Отечество...останься безымянным.
Отечество! Неузанным пребудь.*

Поэт страдает оттого, что родная изувеченная речь беззащитна от искажений. Он ничем не может помочь — только самоотверженным ратным трудом на поэтическом поле брани.

Но не всё же брань да битва: говорят, и у войны бывали выходные дни.

Бывали и у Константина тихие радости в родных местах: луна над лесом, пьяные сумерки на крыльце, ночь на тёплой печи под лоскутным одеялом, хлебный дух в избе...

И потеет усталое тело в счастливом бреду...

(Здесь неизбежно вспоминаются есенинские образы: деревянный конёк на крыше, кобылица-луна, истекающая парным молоком...) Хотя и здесь тоже не рай:

*Дорога увязла в болотах, замёрзшая грязь,
Постылая рябая судьба, гуляющий ветер,
Простылое поле, пахучая тьма...*

Лирический герой Константина Михеева выступает в различных костюмах и масках. В одном из стихотворений на темы России он является в образе бездомного и беспечного бродяги с волчьим взором и ножом в худом голенище. Поэт сочувствует своему герою: этот человек мечтает о свободе, не боится невзгод, умеет любить женщин, надеется на лучшее будущее. Константин явно симпатизирует ему.

*Всё потеряно. Слава Богу...
Значит, то, что найдём, будет чище.*

Этот персонаж — бродяга-вахлак, беглый каторжник, спознавшийся с мыльной петлёй, да со злодейкой-судьбой. Вместо воды ему — кровь, пот и слёзы; вместо синих озёр, цветущих лугов и берёзовых рощ — искорёженный мир.

*Нет такого ствола, на котором не петь топору,
Нет такого оврага, где мертвому телу не гнить.*

Одна радость — прогулять в кабаке государевом всё до креста, да вкусить горьких радостей случайной продажной любви.

Разбойная удаль и кабацкий задор предыдущего стихотворения немного уравниваются элегическим тоном следующего за ним. Здесь в каждой строфе — культурные аллюзии: отсылки к теории стихосложения, к живописи (Кустодиев мешает краски), народной мудрости, древней литературе и даже кулинарии (пирог с вязигой). Герой здесь — прямой антипод Соловью-разбойнику или беглому каторжнику. Это — Емеля-лежебока, мечта русского крестьянина, вынужденного проводить всю жизнь в трудах и заботах. Но и его, и «мирного виршеплёта» не покидает извечная грусть-тоска.

*Необоримый, словно брага,
Простор нам кажется чужбиной...*

Хотя и остаётся надежда в «ржавеющем праздном сердце» — ведь хранит его «крест нательный из латуни».

Поэт не видит радостных перспектив в истории.

*В широтах наших радость — бесприданница,
её за так лишь мертвые не имут.
А потому одно лишь нам останется:*

плюя через плечо, ругая климат...

*Плутая в грёзе плисово-березовой
и проклиная слабость человечью
в возке вослед боярыне Морозовой
ползти неспешно вечности навстречу.*

...

Стихи Константина Михеева настолько насыщены смыслами и подтекстами, что при первом прочтении улавливается только общее настроение, колорит. Частности и подробности выпадают, как не видны издали мелкие мазки на картинах Моне. Можно также сравнить строфы Михеева (почти каждую!) с палимпсестами первобытных пещер или древних икон, покрытых позднейшими записями.

Рассмотрим одну строфу стихотворения «Непреломлённый хлеб...»

*Непреломленный хлеб падает камнем из рук
Ал мальчишеских губ кровоточащий излом
Пыльная связка дорог, пустошь, река и луг.
Если цела голова, надобно бить челом.*

1 — я строчка: Хлеб в руках Поэта превратился в камень.

А может быть, ему подали камень вместо хлеба?

Возникает сомнение: истинный ли хлеб для души и тела тот, что тебе подали? Ведь он не преломлён — значит, он не есть Тело Христово.

Это хлеб твоего горького одиночества.

Как могло такое случиться? Может быть, храм, который ты посетил — вовсе не храм, а бесовское капище? Здесь раздаётся не благостное пение, — здесь *«воет псалмы пустосвят, как шелудивый пёс»*. Псалмы для него — не слово Божие, а хмельной напиток, как для травы-пустоцвета хмель непробудных рос.

Мальчишеские губы грызут этот чёрствый камень-хлеб, истекая кровью. Священный ритуал оборачивается страданием, белый свет видится черным, как мрак и как черствый ломоть. В душе юноши — надлом, сомнение в Божественной правоте и милости. Где-то здесь в стихе должно быть обозначающее слово... вот оно: излом. Хоть относится к слову «губы», но воспринимается в более широком смысле.

От этого хочется уйти. Но куда? От самого себя не уйдёшь — так хоть в дальнюю дорогу. Не утешит она — так хоть даст забыться.

Пыльная связка дорог, пустошь, река и луг.

Нет, не даёт забыть печали. Нужно прибегнуть к самому действенному средству — бить челом. Кому? Только Одному, других нет. Ведь пока ещё цела голова.

*Плеском травы полны, полнится слухом земля.
Ярый мака бутон — огненная купина.*

И всё же в природе есть отрада для того, кто умеет слышать голос земли, плеск трав, кто умеет испытывать восторг от огненной купины цветущих маков. Но могут быть беспощадными Господни знамения — молния и гроза — они сердце пронзают насквозь, как плач законной жены, измученной жизнью.

И все-таки надо уходить. Сказано: *«Уйди из дома, ибо место нечистоты есть дом... Мудрые уходят, как цапли от пруда, в котором нет большие рыбы» (Дхаммапада)*. Природа встречает путника грозами, ветром, холодом нив... Что предвещают они? Может быть, беды, а может быть — блага, из которых величайшее — любовь.

Но где любовь — там и смерть.

*Бьётся в объятиях тьма, сыплется соль на столе,
чарка за упокой щиплет дерюжный язык.*

На горестных путях Поэта встречается смерть — не ближнего, и не своя: он пьёт за упокой чужого человека. Но разве есть на земле свои и чужие?

Тому, кто поистине знает любовь — все люди братья. А братская любовь хороша, пока не обернётся враждой (если вспомнить старинный сюжет о братоубийцах). Так было и так будет — подобно полёту вороньей рати над головой в этой русской глуши.

Конец стихотворения, как и ожидаем, невеселый, но исполненный мудрости.

*Жизнь научила нас верить и умирать.
Жаль, что ни вера, ни смерть нас не научат жить.*

...

Константин Михеев пишет о сибирской каторге так, как будто сам побывал там (не приведи, Господи!). Поэт виртуозно очеловечил образы и явления сибирской природы: они живые и яркие, как народные лубки или герои сказок.

Сибирь — это медвежий угол. Он — кряжистый мужик-якут, возросший в снегах, опальный с рождения, и в то же время некий Пан, бог природы:

*Якутские скулы ласкал он цинготным дождём
и хмурил с похмелья кустистые брови проталин.*

Мороз — хозяин леса, он грызёт и стволы ружей, и человеческие тела; он тащит самогон с-под полы и прикидывается невинным белым ягнёнком.

*Знобкая Обь, седобородый Тобол,
голубой снег, что шурится на каторжников оком нетверёзым,
срубы смурные, покрытые одеяньем вдовьим,
и кресты при дорогах, и отрепья отрогов, на сопки глядящие
исподлобья — всё очеловечено.*

На этом фоне бредут по оскаленному тракту какие-то люди косматой гурьбой, молясь, матерясь, громыхая казенным железом...

О людях Поэт говорит немного — только в четырех строчках из 28-ми строчек первой части поэмы. В то же время все строфы говорят, по существу, о людях, и особенно последняя:

*Телят не гоняли и ворон костей не занёс,
но карта разъедена кровью, слезой, бормотухой,
и яростно в легких беснуется туберкулёз,
и ссыльный глагол остужает мятежное ухо.*

...

Константин Михеев нашёл цветовой символ для русской каторги — это белый цвет, вездесущий в русской природе, особенно сибирской. Поэт сравнивает белый цвет со световым столпом, ведущим израильтян в Палестину — только русский народ идёт за белым столпом не в землю Обетованную, а в сибирскую каторгу.

Хорош белый цвет, да не всегда.

*Это цвет серафимов, погостов, невест,
кружевная рубаха языческой вещи метели,
неподписанный ордер на невероятный арест.
Не снега полегли на бесплодную землю окрест,
а в крещенский мороз расцвели на Руси асфodelи.*

На каких весах взвесить позитивные и негативные значения белого цвета? В поэме «Каторга» перевешивают значения негативные.

Каторжане идут в это холодное царство, как в русский морозный ад, где «слепят белизной и покоем цветы, и лишает рассудка морозное это цветенье». Не есть ли эта печальная повесть — пророчество о судьбе страны?

В ожидании Судного дня замирает страна,

*и ложится, как саван, метельных цветов белизна
на надгробья, насквозь прожигая могильные плиты.*

...

В стихотворении «Скорый поезд» видим двойную метафору: мать-Россия уподобляется скорому поезду, который трясётся, грохочет, хрипит и несётся по этой грустной земле неведомо куда. Вагонная качка ощущается даже в том, что окончания строчек не рифмуются, а лишь слегка сближаются аллитерациями. Размеры строчек и строф различны — в каждой строфе от 3 до 6 строчек разной длины. Получается ритм бегущих по рельсам колёс: 4-3-4-3-5-6. Такая конструкция стихотворения создаёт ощущение беспорядка, опасности, неуютя.

*Как будто поседевшая мать-Россия
влево-вправо вагоны бросает.*

За окнами — мрак, туманы, серые равнины, дым...

А внутри — плачет ребёнок. Одолевает безнадёга и мысли о смерти.

*В эту грустную землю мы ляжем
и припомнить уже не сможем,
как нас звали, кем же мы были,
от какой погибали боли.
Шелестя губами во мраке,
мы останемся тут навеки.*

...

Богородица ходила по России

Это стихотворение — памятник недоброму времени в истории России, когда страна превратилась в сплошное поле битвы, когда рассвет вставал, как штык у горла, и бродил по разорённым сёлам, когда мальчики уходили в солдаты от заброшенных пашен и родных пепелищ.

*На подворьях нищих и простылых
где ночами не видать ни зги
бьют в упор, и, раскрошив затылок,
матерясь, снимают сапоги.*

И всё же не остался без Божеского присмотра родимый край — ходила по дорогам Богородица, дабы видеть вся муки русской земли, а над головой её маячил чёрный нимб ружейного прицела.

Даже в лирическом стихотворении «Сумерки» не оставляют Поэта мрачные мысли и горькие думы о русском житье-бытье. Он видит в деревенских ветхих домах «ставни, словно бельма», любимая женщина «словно петел, во тьме хрипит», сам герой хочет жить бобылём, «тлеть хмельным румянцем небритой скулы»,

*За соседним плетнём прорасти бывать,
затянуть густой паутиной углы.*

Обыкновенная тропинка на пустыре вызывает у Поэта жуткие ассоциации: она рассекает пустырь, «словно темя пришло, топором».

В деревне как будто остановилось время:

*Вся Россия спит, дай Бог, я усну.
На чужих пепелищах сон мой глубок.*

Всё так, как было: вдовья слёзы, закопчённые иконы, собачий вой по ночам, запах земли, тепло человеческого тела...

*И так было сто, и двести годов,
и всегда так будет...*

Дик и беден родной край.

Не избыть ему варварства, нужды и насилия.

И всё же сыновнее сердце Поэта прощает Родине её грехи:

— за лубочный рисованный рай
— за баланду с дубовой корой
— за висок с пулевой дырой
— за пространства вразнос враздрай

— за вороний задорный грай
— за шинельный лихой покрой
— за свободы глоток сырой
— я люблю тебя отчий край.

Русской революции

Кто творил Русскую революцию?

— выкорыши рваной сумы и казённой оплеухи,
последыши бухой подворотни.

Он, даже мертвый, поднимается из окопа, чтоб синей рукою надавить на отечный кадык Перекопа.

Что ещё можно сказать о ней, революции?

Голодна, ненасытна и благоговейна,
среди трупного пота, чумы и гниения,
ты горела в аду — в спиртовой, гонорейной
штыковой, пулеметной, тифозной геенне.

И разве не чудо, что помнили бойцы тех фронтов «бескорыстное русское слово?» оно поддерживало в человеке сознание высокого долга и не давало опуститься до забвения того, что свято. (Здесь К.М. вспомнил Н. Гумилёва.) Вспомним и мы — как переживал солдат Первой мировой войны (в стихотворении Н. Гумилёва) гибель всего дорогого:

"И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей".

Такова диалектика жизни — горе и радость ходят рука об руку. Потому и благословляет Константин Михеев Русскую революцию:

То проклятье, которым тебя проклинали,
Только с благословеньем сравнимо по силе.

...

Дикое поле — реквием по убитым во всех русских войнах — от древности до наших дней. Напоследок — сюрреалистическая картина — голова мертвого солдата, сквозь которую проросли травы.

...и щетинятся щёки солдата
печенежскими стеблями трав.

Отходная

Поэт подводит итог тысячелетия российской истории.

Трудна была она. Делали её пасынки пушек и книг, пламенем венчаны, розгами пороты. У них в крови драма варяга и дрёма татарина.

Вся история — дерюжно-крамольная тьма, огонь, бестолковье и неразбериха, войны и смуты. Несколько афоризмов завершают обзор событий:

Всё повторяется, неповторима лишь смерть.

...
*Кончено всё. Но начнётся всё сызнова,
с круга кочуя на круг.*

Стихотворение завершают слова надежды на то, что с Божьей помощью устроится как-нибудь судьба России — и будут найдены для неё «общие ум и аршин» (вопреки Тютчеву).

Русь, ты вся поцелуй на морозе!

Одна эта строчка стихотворения Велимира Хлебникова вдохновила Константина Михеева — и родилась под его пером баллада о святой Руси — какую мы знаем по трудам историков и по стихам поэтов: Пушкина, Некрасова, Клюева, Есенина...

(Простите, читатель, об этом я не могу говорить прозой — хочется писать нечто вроде стихов)

1.

*Эта Русь — избяная, кондовая, толстозадая
Она любит посидеть в царёвом кабаке
Среди бражных, увечных, опальных,
Чтоб стоял на столе перед нею улыбочивый штоф,
А в окне завывала пурга да чернели скелеты крестов.*

2.

*Но не может никак Русь святая без Бога прожить,
Без тепла алтарей и суровых задымленных Спасов
Даже вор неkreщённый, бродяга беспутный, урод
Понимает душой материнскую скорбь Богородиц.*

3.

*Поцелуй — это знак всепрощенья, любви,
А мороз — это холод, проклятие смерти.
Столкновение этих символов
высекает искру прозрения,
которому нет имени:
мы остро чувствуем это, хотя не можем назвать.*

Мы, конечно, не можем, но Поэт назвал:

*Целый мир во хмелю: лепота, белизна, синева
и разлюбье, разлучье, расстрелье, распутье, распястье.*

Петербург

*О родина моя, Гиперборея!
К. Михеев*

Петербург был второй родиной Константина Михеева, городом его юности и колыбелью поэтического дара. Здесь он знакомился с миром поэзии и литературы, дружил с коллегами по искусству и пробовал свои силы на литературном поприще.

Стихи К.М. на петербургские темы максимально искренни, как, впрочем, и вся его поэзия; они могут занять достойное место среди "петербургских текстов" — романов, повестей, поэм и т.д. Эти, условно говоря, тексты, по-видимому, не случайно делятся на две партии — восторженные и возмущённые. Художники пера видят Петербург или через розовые, или через чёрные очки (образно говоря). Ко вторым относятся Ф. Достоевский, Андрей Белый, Н. Гоголь, Н. Некрасов, А. Куприн, Н. Заболоцкий ...

Константин Михеев принадлежит преимущественно ко второй группе, хотя иногда снимает чёрные очки и смотрит с космической высоты, где не видны смердящие подворотни, ночлежные дома и выгребные ямы. С этой высоты ему ясно видится историческая миссия великого Города, чёткость и логичность его архитектуры, изобилие культурных ценностей и гениальных личностей.

Глава, посвящённая Петербургу, недаром названа «Петербургские инвективы». Пейзаж города написан тёмными красками. Здесь сама почва — это болото, замощённое грудами

бульжника, под которыми погребены человеческие упования.

Здесь даже лёд — черный, а ночь не белая, а бледнокожая, то есть больная, вялая, анемичная, а свет — безжизненный и жадный.

Морская вода здесь — балтийская рыба кровь, в Фонтанке — не вода, а мазут, а в реке Мойке — державная грязь.

От такого пейзажа хочется куда-то ускакать на коне, или залечь на нары. Природному пейзажу соответствует такая же безрадостная архитектура. Город — сырой и серый, площади немые от простуды, глазницы кварталов пусты, жилые дома — это «хрущобы», дешёвый мир.

Памятники архитектуры осквернены хулиганскими надписями.

Поэт немного грустит о безвозвратно ушедшей пышности царско-дворянского Петербурга: до революции здесь были меха и розы — но они брошены в болота.

Само время и пространство в Петербурге заслуживает суровых инвектив.

*Это время — как грязь на твоём каблуке,
что черна, как расстрига-монах.*

Пространство, окружающее Петербург, воспринимается Поэтом как нечто пустое и аскетическое, неодетое и незаполненное:

Есть аскеза пространства, нагого, как перст...

Железная дорога

Пассажирский поезд, бегущий по рельсам — развернутая метафора нашей суетливой и быстротекущей жизни, неоднократно использованная в литературе. Этот образ просматривается (хотя и не явно декларируется) в стихотворении Константина Михеева «Железная дорога». В нём мы узнаём различные картины и жизненные ситуации в пространстве-времени Петербурга и его окрестностей.

*Здесь небо мутное, дождь, сонный смог,
Хочется куда-то уйти. Стук поезда созвучен настроению Поэта:
Голосили составы: Уходим! Уйдём!*

Толчея на перроне. В толпе таится опасность для жизни — могут задавить. Здесь царит бог разрухи и бегства, а заодно и другие властители жизни — машинист и кочегар, конокрад и костоправ.

На железной дороге возникает предчувствие беды, и не просто предчувствие, но ощущение: в этой жизни постоянно жди беды, никто не застрахован.

Пространство, видимое из поезда — нагое, как перст.

Время состоит из мгновений, в том числе несущих соблазны, чреватые грехом. Вокруг поезда забытьё и безмолвие, и опять же — пасмурное осеннее небо. Дальше следует строфа, состоящая из нескольких ярких тропов — метафор, сравнений, символов, оксюморонов.

*Этот горький простор, словно складка у рта,
словно гвоздь в обветшалом кресте,
и прекрасна смертельно его нищета,
так созвучная нашей тщете.*

Пространство жизни горько на вкус
Человек помнит крестную муку Спасителя,
И это поддерживает его в горестях.
Нищета человека может быть прекрасной,
Если это нищета духа (Мф. 5:3)

И все наши суеты тщетны, подобно переездам на поезде туда-сюда.

Так можно кратко перевести на язык прозы семантически сложную ткань 7-й строфы этого стихотворения.

Третья часть поэмы «Железная дорога», по существу, варьирует тему, заданную в первых двух частях. Поезд прибывает к месту назначения, но окружающий пейзаж так же угрюм, а настроение так же печально, как в первых двух частях.

Паровозные дымы в форме грибов — напоминают атомные взрывы. Гудки поют «невермор» (никогда), в смысле «оставь надежду»,

Мутное петроградское небо,
Запах родины тёмной и дикой,
Закопчённые привокзальные цветы,
Солнце — как кровавый цветок,
Слякоть зари, ливень (или это слёзы на щеках?)

На перроне Поэт встречает не родных или друзей, а Судьбу, как и положено на жизненном пути. И в конце — грустный итог:

*Жизнь не прожита. Страх не изжит. Не излит
лоскут мутных небес из-под век.
Мир прибытка большого тебе не сулит —
только путь, только бег, только грех...*

Да спасется сей град

Ещё одна впечатляющая картина Города, любовь к которому автоматически переходит в ненависть, а затем опять в любовь (в силу известного закона человеческой психики). Красоты Петербурга, запечатленные в предыдущих стихотворениях, здесь так же малопривлекательны, но с существенным добавлением — стены зданий украшены «озорной кириллицей вещего русского мата». Однако, классическую архитектуру всё это не колеблет и не обесценивает, — только портит настроение Поэту: размышляя о своей судьбе, он приходит к печальным выводам.

*Без родства я оставлен и чашей вина обделён
на вселенском похмельи века и тысячелетья.*

И всё же Поэт верит в будущее и обращается с молитвой к Богу:

*Пусть же имя моё повторится в других именах,
пусть же слово моё в этой сини навек растворится!*

Осень в многоколонном

Это стихотворение — реалистическая зарисовка (картина) осени в Петербурге. Всё здесь как будто обычно и ожидаемо:

*Парки, опавшие листья, прохладный северный ветер,
стук корабельных мачт и оконных ставен,
дымные чухонские лачуги...*

Однако Поэт любит пейзажем только на протяжении первых трёх строф. Не менее, чем городские виды, занимают Константина мысли о поэтах, чьи тени и теперь окружают его: Херасков, Державин, Петров, Бродский...

Вспоминается превращение Савла в Павла и обратно (иносказание о потере Петербургом былой красоты). Подступает грусть о печальной судьбе Города — ему суждено кануть в Лету.

На примере этого наполовину живописного и наполовину ностальгического стихотворения хочется разобраться и понять — какими средствами достиг Поэт столь высокого художественного совершенства.

Обратимся к помощи математики. Подсчитаем количество тропов (поэтических приёмов).

Метафор 9, эпитетов 6, гипербол 1, метонимий 3,

синекодх 1, аллюзий 3, сравнений 2, перифраз 4, новообразований 1, устаревших слов 1, мифологизмов 1, жаргонизмов 1.

Итого: 33 тропа на 48 трёхстопных строчек, т.е. на каждые две строчки приходится три тропа. Прочитав несколько наиболее ярких примеров.

*Многоколонный град — перифраз
Лиственная пьяная орда — двойная метонимия
Шеренга парков — метафора
Шило упрятав в мешок — аллюзия
Связаны нити Парок — мифологема
Друг парадоксов, гений — перифраз
Набережная-прилавок — сравнение
Лета размывает берега — мифологема*

Поистине, изобретательность Константина Михеева не знает границ!

Петербургские инвективы

Это название раздела книги К.М. предупреждает о критическом отношении Поэта к реалиям «города на Неве».

Пейзаж Петербурга написан в тёмном колорите.

Здесь сама почва — это болото, замощённое грудями булыжника.

Под ними погребены человеческие упования.

Здесь даже лёд — чёрный, а ночь не белая, а бледнокожая, то есть больная, вялая, анемичная, а свет — безжизненный и жадный.

От такого пейзажа хочется куда-то ускакать на коне, или залечь на нары.

Поэт неистощим в изобретении метафор и олицетворений, подчас головокружительных, например: дождь-самоубийца; он ехидный и мелкий; ветер — беспечален и неистов. И даже северная Муза озябла, она греет руки над очагом.

Среди стихов, посвящённых Петербургу, есть не только инвективы, но также и лирические мотивы — воспоминания о поэтах, чьи тени населяют Город, о культурных ценностях, утраченных в XX веке, слова признания местным божествам — Камене, Психее...

Большей частью все это фрагменты носят ностальгический характер — Поэт грустит о былом.

*Меха и розы брошены в болота.
...
Но в скорбном лоне финского болота
ещё горит божественный огонь.*

Поэту грезятся: кружевной хрусталь, прохладные ресницы,

Мраморные плечи, туманы, поцелуи и меха.

Всё это погребло в безгласном и прекрасном увяданье, свершившемся под вещей муз рыданье.

Некоторые строчки напоминают лирику Бальмонта, Гумилёва, и даже (Господи прости) — Надсона.

*Золотые эполеты, серебристая пыль
Кудри кариатид, плеск шелков,
Пылкий шум копыт, криолин и мрамор,
Классические мудрые седины.*

Белая ночь

Стихотворение это — своего рода блестящий формальный эксперимент.

Все его рифмы построены на созвучиях согласных (аллитерациях). Здесь нам необходимо процитировать целую строфу:

*Твердь непроницаема для звуков,
разум заперт накрепко для знаков.
Прорицанье северной Сивиллы
царственный гранит околдовало,
в памяти былое убаюкав,
загодя грядущее оплакав.*

Разве не ранят душу горькие слова бессильного сострадания Городу Петра?

*Этот воздух гибелен и волен,
этот хлеб безвременьем отравлен,
это слово костью в горле станет,
только ветер богооставлен.*

И всё же — этот град богоспасаем — гласит заключительная строфа.

Несмотря на иронично-осуждающее отношение к истории, Константин Михеев признаётся, что ему «былое будущего ближе», и, может быть, «это не блажь, а блаженство?» Стало быть, все эти инвективы означают не осуждение истории, а боль души Поэта, плач о несчастливой судьбе Родины.

Продолжение следует...

Л. Миронова,
05.12.2013

[Задать вопрос Мироновой Л.Н.](#)

[mironovacolor.org](#) > Статьи > **Сказание о Константине. Часть 4**

Copyright © 2004—2014 Миронова Ленина Николаевна, Иванов Дмитрий Григорьевич

Вопросы, комментарии и предложения высылайте по адресу: frosofco@gmail.com | [ВКонтакте](#) | [Facebook](#)